

#ГЕРОИ

ДОРН И АГУТИН ОБСУЖДАЮТ, ГДЕ НАХОДИТСЯ СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МУЗЫКА (НЕТ, НЕ ТАМ)

17 АВГУСТА 2017 ЯРОСЛАВ ЗАБАЛУЕВ

Герои двух поколений хорошей поп-музыки – Леонид Агутин и Иван Дорн – встретились в одной студии, чтобы понять, что происходит на современной сцене, обсудить друг друга и договориться о совместном треке.

«Привет, братва!» – в дверном проеме студии Игоря Матвиенко стоит чуть усталый Леонид Агутин, только что выгрузившийся из «лексуса». К моменту его прибытия Иван Дорн успел освежить в памяти главные хиты российского пропагандиста латино-попа и полностью вжился в роль интервьюера.

ИВАН ДОРН: У нас с вами сегодня должна быть непринужденная беседа. Сначала была идея, что вы мне будете задавать вопросы, но я подумал, что у меня к вам, как к человеку, умудренному опытом, вопросов намного больше. Например, мне всегда было интересно узнать, откуда у вас появилась вся эта латиноамериканская тема в музыке?

ЛЕОНИД АГУТИН: Как ты догадываешься, этот вопрос я от журналистов слышал сто тысяч раз и имею ряд универсальных ответов, но музыканту правильнее ответить честно. Смотри, ведь это же все босанова – медленнее, быстрее, румба, самба... Изначально это бразильское изобретение, которое переработали джазовые музыканты,

а потом оно перешло в поп-музыку. Я же учился в джазовом училище, и как-то оно само...

ИД: Но была же у вас какая-то любимая кассета, не знаю, Жобин (бразильский музыкант Антонио Карлос Жобим. – Прим. GQ), скажем?

ЛА: Ты знаешь, что я тебе скажу? Слава богу, в начале девяностых я еще не знал всей этой музыки толком. Не дай бог я бы делал мелодии сложнее, аутентичнее. Тогда не было бы всего этого попсового успеха, не получилось бы написать такие простые, понятные песни.

ИД: Я с удовольствием наблюдал ваш эксперимент с Элом Ди Меолой (американский джаз-гитарист, с которым Агутин записал совместный альбом *Cosmopolitan Life*. – Прим. GQ). Было понятно, что это, с одной стороны, крик души, а с другой – шаг в сторону Запада. Я про это вспомнил, потому что тоже недавно сделал такой шаг.

ЛА: Да, я тебя тут прекрасно понимаю. Трудность такого шага в том, что есть песни, которые нельзя сделать не только на русском, но и вообще ни на одном славянском языке. Положить на некоторые мелодии русский текст просто не получится – жалко музыку. А есть и противоположные случаи – когда работает именно русский язык, очень богатый на самом деле. Но не мне тебе об этом говорить.

ИД: Мне сейчас 28, а вы свои 28 помните? Очень хочется понять, ощутить, в чем между нами разница.

ЛА: Давай по-другому. Вот ты во сколько лет «Стыцамена» написал?

ИД: Мне был... 21, да, точно.

ЛА: Так это было так давно? Ничего себе! Когда мне был 21, я так делать, как ты, даже близко не мог! Это был такой позор!

ИД: Да ладно!

ЛА: Seriously! Я в этом возрасте как раз решил, что буду заниматься поп-музыкой, потому что мне все говорили – в училище, в институте, в армии, – что у меня хорошо получаются именно песни. Но я им такого значения не придавал. Думал: вот музыка, которой я занимаюсь серьезно, вот режиссура, по которой у меня диплом, а песни – ну это у костра можно попеть для прикола. Оказалось, что я прикалываюсь, а люди реально подпевают, запоминают. В общем, решил делать песни, но это оказалось не так просто. Ведь не будешь же петь песни у костра со сцены. Рок-музыка предполагает группу – а с ней должно сильно повезти, у меня подходящих музыкантов не было. Оставалось работать как автор-исполнитель, то есть, в поп-музыке. Я стал слушать всякое диско – довольно простые вещи – и что-то подобное сочинять. Потом надо было

получать опыт работы. Была возможность пристроиться к звездам в первое отделение – на разогрев то есть.

ИД: И к кому вы пристроились?

ЛА: Перед Женей Белоусовым я работал, например.

ИД: Ничего себе! Как на вас реагировали?

ЛА: Знаешь, тогда такие артисты работали по большим площадкам – дворцы спорта, стадионы. То есть ты где-то далеко, тебя толком не видно, но музыка ритмичная, и всем, в общем, нравилось. И мне показалось, что вот оно, осталось только по телевизору выступить. В итоге все мои попытки попасть в эфир закончились полным фиаско. Мне не верили с этим музоном.

Спортивный костюм из полиэстера, кожаные кроссовки, все adidas Originals.

ИД: (Хохочет.)

ЛА: Ну да, на морде написаны два высших образования, а я пытаюсь этот европопс делать. У меня в институте была девушка, скрипачка, она мне говорила: «Леня, у тебя морда студента физтеха, какая поп-музыка? Тебе надо хоть, я не знаю, волосы, что ли, отрастить».

ИД: А длинных волос тогда не было еще?

ЛА: Не, было как сейчас примерно. Начал я растить волосы, как-то нашелся постепенно этот хипповский образ. А с музоном вот что произошло. Мне один парень помогал делать аранжировку для песни – очень попсовой тоже, – так вот, он снимал квартиру с барабанщиком группы «Черный кофе». Я его с тех пор и не видел – это было 25 или 30 лет назад. Этот парень поставил барабанщику мои песни для ознакомления, и тот сказал, что это какое-то говно, совсем неинтересно.

ИД: Это когда была песня «Остров»?

ЛА: Нет, гораздо раньше. Эти песни никто не слышал и, надеюсь, не услышит. В общем, спросил меня этот барабанщик, есть ли у меня еще что-то. Ну я и говорю, что есть одна босанова – называлась она, конечно, «Черное море», и вообще она была глуповатой, но по музону более сложной. И тут он мне: «Вот, это то, что нужно!» И в то же время мне еще несколько человек сказали, что все эти мои поп-опыты годятся только для разогрева, что они мне не идут. Вот выходит Юра Шатунов – и ему идет. Люди верили его сиротским песням под три аккордика про белые розы. А ты, говорили мне, другой человек, и обмануть публику не получится. И вот я стал придумывать что-то другое...

ИД: Я в свое время очень испугался быть обтесанным радиоформатами. Причем испуг этот пришел довольно быстро – когда мои собственные друзья-музыканты стали отказываться со мной играть, потому что пацаны во дворе не поймут моего стремления попасть на радио. И вот тогда я понял, что хочу сам диктовать форматы, а не быть их заложником. И в вас было это бунтарство, а сейчас вы мне в примерке рассказывали, что изначально думаете, на какое радио может попасть та или иная песня. Чувствуете, что вас обтесал формат или что вы стали заложником собственной аудитории?

ЛА: А люди все такие. Вообще все. Все – заложники. Самые радикальные экспериментаторы, самые альтернативные музыканты – их ведь любят за эту альтернативность, и они точно так же становятся заложниками своего успеха. Такие не могут позволить себя сделать попсовее, выступить на «Песне года» – пацаны не поймут. Я изначально сделал ставку на сочетание красивых слов с красивой мелодией, позволяю себе, наверное, чуть больше музыки, чем принято в поп-формате, – у меня всегда есть какое-то соло, которое играет классный музыкант. Но я все равно работаю в поп-сегменте и должен понимать, как аудитории запомнить песню, в каком месте музыка захватит людей. Более того, мне это нравится. Я обожаю моменты, когда мне в голову приходит красивая, нестыдная мелодия. Потому что поп попу рознь. Tears in Heaven Эрика Клэптона – это поп-песня. Она сделана на простых мажорных аккордах, но при этом необыкновенно музыкальна.

ИД: Это уже классика. Вы отдаете себе отчет в том, что вы уже классик?

ЛА: Гм...

ИД: Для молодежи, для моего поколения. И сегодня вас у молодежи очень мало. Нам вас очень не хватает. Хочется, чтобы вы и над собой экспериментировали, и над нами заодно. Вы не думали об этом?

ЛА: Думал, конечно. Но, знаешь, заигрывать с молодежью – это рыть себе могилу. Делать то же, что делаешь, например, ты, я просто не смогу.

ИД: Это понятно, но ведь можно найти человека, с которым получится прийти к какому-то компромиссу. Я, знаете, как это вижу? Допустим, несколько молодых музыкантов работают над вашим новым EP, где они отвечают за аранжировки, а вы – за мелодию, гармонию и слова. Это был бы стопроцентно крутой синтез. Никуда не делись бы ваши мелодика, гармонии, все ходы характерные.

ЛА: Да, круто. Я тебе обещаю, что это сделаю.

ИД: Класс! Тогда можете еще пообещать, что я буду внедрен в этот процесс?

ЛА: Да запросто.

На Иване: футболка из полиэстера, кожаные кроссовки, все adidas Originals; брюки из кожи, Gucci.

На Леониде: рубашка из денима, хлопковая футболка, все Levi's; чиносы из хлопка, corneliani; замшевые кеды, diesel.

ИД: Круто! Вот этого я и хотел. Скажите, а вы когда-нибудь завидовали коллегам?

ЛА: Да, был один такой случай. Я участвовал в конкурсе «Ялта-92», на котором занял первое место. Во втором туре там надо было петь иностранный шлягер – я пел Армстронга. И потом стою за кулисами и слышу, что какой-то чувак поет блюз – да так! В 1992-м такого не было – произношения и вообще музыкальной культуры. Не было такого фирменного звука. У меня подкосились ноги, я понял, что надо сдаваться – если приехали такие люди, то зачем вообще я?! На подкошенных ногах я пошел смотреть, кто это, и оказалось, что на сцене балет танцует под фонограмму – в качестве перерыва между первым и вторым отделениями.

GQ: Вот вы, Леонид, говорили, что вам важно, с одной стороны, работать для широкой аудитории, а с другой – делать это музыкально. Где для вас обоих грань компромисса между тем, что хочется вам, и этим самым поп-форматом?

ЛА: Отличный вопрос! Для меня грань проходит в том месте, где начинается пошлость. Это не зависит от количества аккордов, или нот, или музыкальной сложности.

ИД: Тогда надо понять критерий пошлости.

ЛА: Верно. Аккорд может быть один, может быть два, может быть три блатных – а на них держится вся музыка. Это все ничего не решает. У меня есть любимая игра на студии: берешь готовую песню...

ИД: И опошляешь!

ЛА: Да, вставляешь две чуть-чуть не те ноты. И получается очень плохая песня! Объяснить разницу между хорошим и плохим порой очень сложно. Бывает, что диджеи на радио пеняют мне, что я усложняю музыку. Приходится объяснять, что это не усложнение. Я делаю музыку для образованных – пусть и далеких от музыки – людей. Просто внутри слов и мелодии нет простоты и даже топорности. **ИД:** Пошлую музыку не надо понимать – она уже понятна. Это для меня критерий пошлости.

ЛА: Да, как будто ничего не сделано.

ИД: Вот я, например, когда слушаю песню «На сиреновой луне», у меня мурашки, когда вы поете вот это (поет): «Когда устал новый день». Я сразу теку просто! Это так странно и так круто! И так нежно. Я вижу, что каждый вокалист, который перепевает эту песню, балдеет именно от этого хода.

ЛА: Я сейчас вспомнил один комментарий в интернете. Вообще я редко балуюсь этой ерундой. Просто я выступаю в разных телевизионных передачах – это единственный способ показать песню. Причем странно – бывает, что какая-то малозначимая программа собирает много просмотров, а, скажем, «Песня года» или новогодний огонек, в которых надо выступать, потому что это главные площадки, никому не нужны. В общем, нет-нет да и зайдешь почитать. И вот там в комментариях одна гражданка

написала, что куплет – проходной, но припев, конечно, мировой. Тут я вспомнил, что каждый человек – главный эксперт, центр понимания музыки. Часто говорят: «У него нет голоса», – а значит это, что человеку просто не нравится тембр певца. У меня один приятель, очень хороший человек, говорил: «Я не понимаю все это – гитары, барабаны. Для меня бывает много музыки и мало. А кто там что играет, я вообще не слышу». Это к разговору про грань. Нужно, чтобы и люди тебя понимали, и тебе не обрыдло это играть.

На Иване: рубашка из полиэстера, Majestic; хлопковая футболка, G-Star Raw; брюки из полиэстера, кожаные кроссовки, все adidas Originals.

На Леониде: пиджак из шелка, Billionaire; хлопковая Футболка, Z Zegna; джинсы, ботинки из кожи, все John Varvatos.

ИД: Чтобы это было честно, да. Вот вы с самого начала творческого пути про это задумывались или нет?

ЛА: Я застал шлейф немного другой эпохи. Понятия «попса» не было в тот момент, когда я начинал. Была, конечно, рок- и поп-музыка, но все уважали людей, которые придумывают песни. «Сочинители музыки и слов», как их называет Игорь Николаев, приравнивались к композиторам классической эпохи. Это, кстати, универсальный ответ на вопрос, в каком жанре я работаю: ребята, я сочинитель музыки и слов. Короче, такие люди очень ценились. С той поры поп-музыка сделала столько шагов. И часто таких, за которые ее сложно уважать и вообще относиться всерьез. Сейчас появилось множество людей, которые говорят, что мы достали всех со своей заумью. Которые рады тому, что

у них наконец-то есть тупая, херовая музыка. У которых душа просит набухаться пива и слушать это говно. В соответствии с тем, что такой публики довольно много, медиапространство во многом ориентируется на них – это деньги их работодателей. С другой стороны, музыка – даже простая, но профессиональная, правильно сделанная, – и музыка пошлая существовали всегда. «Ласковый май» и Владимир Пресняков собирали одинаковую аудиторию. Проблема нашего времени только в том, что сейчас это соотношение сдвинулось в сторону простоты и пошлости.

ИД: Удивительно, как вы толерантно выражаетесь. Я в свое время столько говна наговорил про многих коллег. В какой-то момент стало понятно, что я был не прав. Есть музыка, которая мне нравится и которая не нравится. Говоря плохо про какую-то музыку, я обижаю ее слушателей, а значит, веду себя некорректно. Вы когда-нибудь позволяли себе такие резкости? И после чего стали толерантнее?

ЛА: Мой отец был гастрольным менеджером известных коллективов – «Поющие сердца», «Веселые ребята», – с которыми у меня была разница как у нас с тобой. Я еще малой ездил шнуры скручивать, аппарат носить. Отец, кстати, когда я начал сам что-то записывать, помог мне встать в первое отделение на одном концерте – это было единственное, что он мог для меня сделать. Так вот, он меня как раз и научил толерантности. В тот вечер на той же сцене выступала Азиза, и после, на банкете, я сидел и издевательски напевал какую-то ее песню. Отец сказал: «Либо подходи и говори, что это гениально, либо держи рот на замке. Ты там выступал в первом отделении, а на этого артиста пришло пять тысяч человек».

GQ: Но потом и на вас пришло пять тысяч.

ЛА: Ну да.

GQ: У нас совсем немного времени остается, у меня последний вопрос. Есть у вас обоих какой-то рецепт того, как сегодня музыканту стать известным?

ЛА: Я считаю, что надо искать и находить новые формы. Люди, которые торгуют музыкой, загоняют себя в тупик, но мне бы не хотелось оказаться там вместе с ними.

ИД: Я стремился не оказаться на радио, но не понимал, как дать людям услышать мою музыку. В результате на помощь пришел интернет, и теперь мне хочется стать глашатаем свободы для всех музыкантов. Есть компьютер, есть музыкальное понимание – больше ничего не нужно.

Рубашка из хлопка, Gucci; хлопковая футболка, G-Star Raw; брюки из полиэстера, кожаные кроссовки, все adidas Originals.

На Леониде: Смокинг из шерсти с атласными деталями, John Varvatos; хлопковая футболка, Philipp Plein.

На Иване: бомбер из шерсти с кожаными деталями, Saint Laurent Paris; хлопковая футболка, G-Star Raw; брюки из кожи, Gucci.